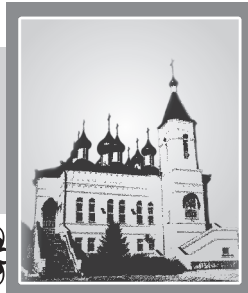

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК

Закон Божий с протоиереем Андреем Ткачевым. Беседа 21-я. Иерархия.

Окончание. Начало в №36

А каков закон иерархии в братских отношениях? В многолетних семьях старшие и младшие братья постоянно спорят между собой,

доказывают что-то друг другу, но в конце концов все сглаживается. Но родители должны следить за тем, чтобы старший младшего не обижал, а младший над старшим не насмехался и не спорил с его, так сказать, законными требованиями, потому что старшие всегда имеют власть над младшими: мама – над детьми, муж – над женою. И дети всегда должны почитать своих родителей. Так – в семье.

И на работе найдите свое место и, будучи старшими, пожалуйста, не хамите младшим, не снимайте с них шкуру, не будьте демонами. Это только злой человек с нераскаянным черным сердцем – черным, как деготь, – имеет своей целью залезть повыше и обгадить всех, кто ниже остается. Такова цель бесовской иерархии – залезть повыше и плевать на лысину тех, кто остался внизу. У нас не так. У нас, кто залез повыше, любит того, кто остался внизу. И, конечно же, чти и воздавай должное тому, кто над тобой. Не только на работе: в цеху, на предприятии... Но и в институте. Кто-то – лаборант, а кто-то – профессор, ректор, проректор... Вы все прекрасно понимаете, что от иерархии зависит жизнь наша. Она и в армии, конечно, и в различных бизнес-структурах. И в медицинских делах: санитар, доктор, главврач.

Нужно занять свое место и не выходить за пределы его. Поверьте, Божия десница поднимет вас на нужные места, из тьмы на свет, как Давида Господь забрал и поставил на царство. Богу интересно забирать от овец и козлиц человека, способного править государством, и Он это делает. Только ты сам не лезь туда. Жди, когда попросят.

Так же и в Церкви. Нужно знать свое место, кто ты: мирянин, послушник, инок, монах, носящий священный сан, или священник, а если священник, то украшенный протопресвитерством или просто иерей, недавно взявший на свои плечи тяжкий крест иерейства; архиерей или ты – Патриарх. Должна быть восходящая вверх иерархия, и нужно воздавать всем должное: кому честь – честь, кому страх – страх, кому любовь – любовь. Здесь всё должно соблюдаться. Это гарантия стабильности человеческого общества, гарантия его успешности в любой работе, когда каждый знает свое место и исполняет приказы.

Закончим, пожалуй, тем, что говорит Премудрый, когда хочет научить людей: «Иди, ленивец, поучись у пчелы, поучись у муравья». У муравьев и пчел премудрый Соломон советует нам учиться. Так вот, не только в трудолюбии можно подражать пчелам и муравьям – и те и другие также пример великой иерархии. У этих тружеников в мире насекомых каждый знает свою работу: у них есть работяги, которые таскают тяжести; есть те, кто защищает их, стоит на страже; есть те, которые командуют, те, которые носят пищу, и т.д. и т.п. Высочайшая степень социализации!

В улье, говорят, есть несколько десятков «профессий». Есть даже пчелки, которые никакого меда не собирают, не строят эти геометрически правильные чудесные соты, совершенно удивительные, а машут крылышками с определенной частотой, чтобы поддерживать в улье нужную температуру, – такие пчелки-кондиционеры.

У каждой пчелы есть свое послушание, и они не выступают за свои пределы, не совершают этих бесовских переворотов, иначе мы бы никогда не ели меда. У нас не было бы ни воска, ни меда, ни прополиса, если бы пчелы бунтовали и устраивали демократию.

У пчел есть старшие, младшие – всё в порядке. А у нас – ни меда, ни прополиса, потому что нет ни одной пчелы, а только одни мухи – из-за того, что каждый лезет наверх по головам стоящих внизу. И это, конечно, бесовское занятие, говорящее о том, что жизнь наша, которая должна быть зеркальным отображением небесной иерархии, на самом деле заполнилась грязью из нижней иерархии – из иерархии бесовских падших существ. Думайте об этом и делайте выводы.

* * *

ДЯДИ, БАБУШКИ И БРАТЯ...

Шел летним вечером по улице один. Люблю гулять один. С самого отрочества. В теплой темноте при зажигающихся звездах чувство часто такое, что жизнь длинная-длинная. И хорошая. А ты все-таки что-то важное упускаешь. Не все, что нужно делаешь. Томительное это чувство и сладкое. Сладкое и тревожное. И вот ты идешь и думаешь: Что? Что нужно сделать? До чего руки не дотянулись? Мужской голос вдруг оборвал мысль: «Зажигалочки не найдется?»

Поворачиваюсь. Мужик. Где-то моего возраста. Один. С пузом и доброй фотографией. Стоит возле автомобиля с незажженной сигаретой. Нет-нет. Дальше не было ничего из серии «купи кирпич», «жизнь или кошелек», «чего без шапки ходишь?». Просто человек хотел прикурить. Не знал, видимо, что в салоне машины «прикурка» есть. Или машина была не его. Я говорю: «Прости, брат. Рад бы, да нету». Он в ответ с улыбкой: «Жаль». И мы расстались, как в море корабли. А я уже иду и думаю не о том, что в жизни что-то важное упущено, а о том, что я без умысла назвал незнакомого человека братом. А он не удивился.

То, что все люди – братья и сестры, говорит Писание. Об этом говорят крутые генетики, раскопавшие хромосомный набор первой супружеской пары. Уверен, что вы знаете их имена. Даже коммунисты говорили, что все люди братья. Ну, вот и русский язык впитал в себя, независимо от генетики и марксизма, эту правду. Она, оказывается, воспринимается совершенно естественно, и от того совсем удивительна.

Не знаю, как кавказцы называют друг друга на своих языках. Все же в одном только Дагестане языков за сотню. Но на русском они говорят друг другу «брат». Слышишь, брат, пошли с нами. Здорово, брат. Как дела? И прочее. А ведь было время, когда официально люди у нас были скорее «товарищами» или «гражданами». Друг, товарищ и брат. Брат в конце. А должен быть в начале. Братство однозначно раньше гражданства и товарищества.

И только Церковь всегда говорила не «дорогие граждане», а «дорогие братья и сестры». Теперь, не смотря на некую озлобленность многих и развращение масс, дело в святом святых – в языке – двинулось к естественности. А если в языке наступает порядок, и если мир назван правильно, то и вся жизнь (вся!) неизбежно выравнивается. Здесь прав и Конфуций, и греческие философы. Итак, мы все – братья. Это факт. Братья и сестры.

Кстати, и пожилая женщина это, в порядке, вещей не «старуха» и не «мадам». Это (вслушайтесь) – бабушка. Каким те-

плым и нежным словом веет от этого имени. А ведь это очень близкое родство! Шутка ли? Мать отца или мамы! Но этим именем у нас привычно называют любую незнакомую пожилую женщину.

Правда, современные бабушки с химической завивкой, папироской на пересохших губах, липосакцией, ботексом, латексом, и прочим изнасилованием почтенной «осени жизни», боятся признаться, что у них есть внуки. Они их и не хотят. Они психологически «девки», хотя по возрасту «бабушки». Они радостно отзываются на слово «сударыня», или «крощка», или в спину – «ах, какая женщина». Но это уже совсем иная часть Марлезонского балета и ее мы досматривать не будем. В поле нашего зрения подлинная и красивая Бабушка!

А еще в поле нашего зрения дяди и тети. Это названия, приложимые к совершенно незнакомым взрослым людям со стороны людей, которые их младше. Брат отца или матери. Сестра матери или отца. Это очень близкое родство. Но именно так мы называем совершенно незнакомых(!) людей, когда нам, условно, 16, а им, условно, 26-35. Дяденька, дай десять копеек. Тетенька, я заблудилась. Дальше возраста 40 у детей уже могут пойти такие термины, как «бабушки» и «дедушки». Но это, опять-таки, еще одна, не нужная нам, часть Марлезонского балета. Главное – народная семейственность, данная фактами языка.

Итак: братья, сестры, бабушки, дедушки, дяди, тети – вот мир, в котором мы комфортно пребываем, как в домике. Особенно, если вспомнить, что, по Хайдеггеру, «язык – это дом бытия».

Мы живем в языке. Через него осмысливаем мир. И наш русский дом бытия продолжает напоминать нам, что мы – семья. Всемирная семья. Русский дом бытия – язык – угрожает нам тем, что, если мы выйдем из-под его крыши в мир «бойфрендов» и «чуваков», а не «братьев» и «матушек», то мы рискуем стать мировыми бомжами. Конкретно. Без иллюзий. Мы будем исторически бездомны. Мы просто лишимся настоящего отеческого жилья. Эта борьба видна на тех наших братьях, которые живут в диаспоре. В Загранице и в Зазеркалье борьба за язык есть борьба не за архаику или связь с исторической памятью. Это борьба за ценности выживания и за «дом бытия». Стоит вдуматься в то, что и как мы говорим привычно. Филология часто рождает богословие. В результате мы рискуем найти подлинный клад. Клад – обретение корневых смыслов. Без них жизнь – угрожающая тьма. С ними она – еще не Рай, но светлый труд для его достижения.

Короче, шел я летним вечером под звездами по теплому асфальту и думал, что во всяком мужском монастыре сплошь одни «отцы и братья». А во всяком женском – «сестры и матушки». Думал, что «бабушка» это не наказание за молодость, а заслуга за правильную жизнь. Заслуга за жизнь, потраченную не на любовников, имидж и карьеру, а на семью, детей и внуков. То же думал я и про вымирающих, как вид, дедушек. Думал и про антропологическую энтропию, как бы завернуто это не звучало. Еще думал про мировую закулису: т.е. про мягкую замену всего естественно-го всем неестественным. Типа – украсть хлеб, дать дерьмо с биодобавками да ароматизаторами, и с помощью рекламы убедить всех, что это и есть счастье.

Ох, как о многом я думал! И со страхом, и с радостью постижения смыслов. (Вообще, сладко думается под летними звездами.) Так и домой дошел.

Протоиерей Андрей Ткачев

Вопросы священнику

Мне мешает чувствительность. Когда человек на меня кричит, реагирую бурно, осуждаю. Как быть?

Имейте в мыслях, что за грехи мы заслужили наказание от Бога, а если это наказание частично совершается на земле, то должны быть только благодарны. Если перетерпите оскорбление на службе или дома с мыслью: «Я терплю за свои грехи, а человек, оскорбивший меня – только орудие моего наказания, а вернее врачевания», – то станете спокойнее переносить обиды. Святые достигали состояния, когда радовались, что их оскорбляют и даже бьют, и печалились, когда их хвалят. Итак, думайте, что вы выплачиваете свои долги, а обидчики помогают вам освободиться от наказания за неуплату.

Почему церковный год начинается с сентября?

Новый год, начинающийся с сентября, имеет ветхозаветное происхождение, а именно, в эти дни кончалась жатва пшеницы, и люди приносили в храм для освящения снопы и плоды от нового урожая. Начало церковного календаря означает освящение наступившего года через богослужебный круг.

Мне очень нравится молодой человек у меня на работе. Мы с ним в хороших, доверительных отношениях. Но почему я его сильно ревную, когда вижу, что он общается с другими женщинами, особенно, если это молодые девушки? Я прекрасно понимаю, что он не моя собственность, и что когда он общается с кем-то другим, то это не значит, что он про меня забывает, но ничего не могу с этим поделать...

Зависть и ревность – это две змеи, обитающие в нашем сердце, которые непрестанно жалят его. Они ослабевают из-за памяти о смерти и молитв за тех, кому мы ревнуем и завидуем. Помните, что все мы будем лежать в одной земле. Ревность и зависть – это как бы две сестры; но с ревностью бороться труднее, иногда люди ревнуют даже к мертвым. Надо избегать с самого начала пристрастия к людям, бороться с тщеславием, стараться не выделяться ничем, и тогда почва, на которой произрастает ревность, станет более каменистой и сухой. Молитесь святому Иоанну Предтече – покровителю монахов, а также кающихся мирян.

Архимандрит Рафаил (Карелин)

Новости

02.09.2016. Иудеи

Перми отстояли право резать кур накануне Иом-Кипура. Пермская полиция отказалась возбудить уголовное дело по иску о «ритуальных убийствах петухов и кур, регулярно проводимых ультраортодоксальной сектой «Хабад Любавич» во дворе синагоги в Перми». Иск против «ритуальных убийств», на основании законов Российской Федерации о запрете жестокого отношения к животным, подала местная организации зоозащитников.

04.09.2016. Мать Терезу причислили к лику святых Римско-Католической Церкви.

05.09.2016. Сотрудники Синодального отдела по благотворительности вылетели в Приморский край для оказания помощи пострадавшим от наводнения.

06.09.2016. Мэл Гибсон официально объявил о съемках продолжения фильма «Страсти Христовы».

07.09.2016. В Пюхтицком монастыре состоялся юбилейный вечер, посвященный 125-летию обители.

07.09.2016. Италия: в Бозе начал свою работу ежегодный симпозиум по православной духовности. В монашеской общине Бозе состоялось открытие XXIV Международного симпозиума по православной духовности на тему «Мученичество и общение». В мероприятии принимают участие Патриарх Антиохийский и всего Востока Иоанн X, председатель Папского совета по содействию христианскому единству кардинал Курт Кох, высокие представители Поместных Православных Церквей, Римско-Католической Церкви, протестантских общин, а также известные богословы и церковные историки.

«Ваша философия» и другие рассказы протоиерея Алексея Лисняка

Атеист

Отдыхаю. Передо мной пруд, уходящий за горизонт. В руках удильник. Воздух свеж после грибного дождика. Смотрю на застывший поплавок. До чего хорошо! Иногда слабый ветерок прогонит рябь по воде, и снова спокойствие. Скоро закат. Сегодня обязательно его дождусь. Это зрелище интереснее десятка поплавков. Да и не в рыбе счастье – не каждый день, да что там день! Не каждое лето выпадает свободный вечерок для рыбалки. Ржавый крючок на моей удочке наверняка уже пуст и вылизан до блеска.

Поездка на пруд стала для меня простой долгожданной встречей с природой, подаренной когда-то Творцом непутевым людям – нам.

Полезно иногда на часок оставить суету, заботы, остановиться, оглядеться по сторонам и увидеть лес, пруд, небо. Задуматься о том, насколько скоротечна земная жизнь среди этого великолепия, которое здесь, рядом. Здорово все же отдохнуть от бесконечных забот по восстановлению разворванного крещеным человеком храма. Отдохнуть от кирпича, известки, раствора, вернее – от бесконечного их отсутствия.

Хорошо и полезно бывает уединиться со своими мыслями на природе, но сегодня такое счастье меня миновало. Справа от меня мочит в пруду свои удочки и донки главный зоотехник нашего совхоза – личность уникальная своей заурядностью. Он уже целых полчаса пытается громко и браво завязать со мной спор – этакую атеистическую полемику, чтобы поддержать среди своих соседей-рыбаков репутацию балагура и весельчака.

– Что попы? Такие же люди, как все! – разлетается над прудом его бодрый монолог. – Так же, поди, пьют да пляшут, как все. – Ненадолго замолкает и торжественно оглядывает подмигивающих рыбаков.

– Вот вы, батюшка, тоже рыбки вот решили, того... Придете домой да под ушицу самогончки, эх!

Соседи гогочут, а говорун продолжает:

– А я что же, должен попам верить? Сказки какие-то! Все у вас, у попов, грех – то это нельзя, то это! А я, может, жизнь люблю! Может, я и вовсе – атеист, может, и Бога никакого нету!

Ну вот, отдых и испорчен. Кажется, смотрим мы все на свои поплавки одинаковыми глазами, но видим совсем разные вещи. До сих пор удавалось пропускать белиберду зоотехника мимо ушей, но всему бывает предел. Достая из воды удочку и начинаю сворачиваться.

– А вы, – говорю, – Григорий Михалыч, быстро поправились. Помню, год назад, когда ваша жена позвала меня вас, больного, соборовать, мы с вами как-то по-другому беседовали. Помню, как раз после первого помазания у вас печень сильно закололо, так «Господи, прости, помилуй» с языка не сходило. А теперь вот уже и атеист.

Публика насупилась и стала молча взирать на неподвижные поплавки, а я не спеша смотал единственную удочку, положил ее в багажник рядом с пустым садком и тронулся домой пыльной проселочной дорогой. По правую руку – пруд, по левую – лес. В небе один за другим проносятся учебные истребители, но им не под силу заглушить мерный гул двигателя моей машины и вечернюю песню перепелок. Через дорогу снуют суслики, каждый сам по себе. Один совсем маленький да тощий, другой побольше, пожирнее. Их Господь любит, дает им пропитание и хорошую погоду. И нас тоже любит. Всех одинаково – и толстых, и тонких, и праведных, и грешных. Даже атеистов, и тех любит.

Жертва

Жертва для Господа – величайшая в мире добродетель. Кто-то от любви к Богу жертвует свободным временем, кто-то, как та евангельская вдова, жертвует всем своим пропитанием, дабы имя Всевышнего воспевалось в храме, в стене которого есть и ее кирпичик. Редки случаи, когда от безграничной люб-

ви ко Творцу люди жертвуют и своим благополучием, и даже жизнью. Различными бывают пожертвования. Жертвователям – рай и счастливая Вечность!

Как и любой храм, разграбленный трудящимися за время безбожной власти, наш, освященный в честь Богоявления, нуждается в любых пожертвованиях. Некогда двухпрестольный, имевший двух священников и диакона, огромный церковный двор со школой и садом, высокий кирпичный оплот и крестилку, – ныне облезлый стоит он посреди обширного пустыря.

Огромное пятитысячное село не изобилует нынче своим мастеровитым людом. Нет уже тех каменщиков и штукатуров с малярами. Как иногда бывает полезно для спасения души настоятельствовать в таком приходе! Овладел настоятель мастерством, скажем, художника – вот разрушенному храму и расписные своды. Овладел профессией столяра – вот и иконостас готов. А там, глядишь, и штукатурить научишься да мастерком владеть и будет красоваться храм белокаменными кокошниками, окруженный узорчатым кирпичным забором. Если, конечно, найдется благодетель, который подарит храму немного кирпича за свои грехи. А уж как приятно видеть благодетеля-подвижника, который взялся бы помогать одному из немногих радетелей современного деревенского прихода – его настоятелю!

Так был рад и я, когда в один солнечный летний денек в нашем приходе кроме двух строителей и штукатуров – настоятеля и пономаря Алексея Семеновича – появился третий помощник. Сергей рассказывал о том, как и где он трудился, об ударных стройках, в которых он участвовал, и о прочих трудовых свершениях.

Рассказ вышел красочным. «Да... – вздохнул радостный Семенych, – мастер на все руки. Давно бы нам этакого помощника». Договорились о цене за обещанную штукатурку. Настоятель (то бишь я) занялся одним из своих обычных дел – поиском денег на зарплату Сергею, а пономарь со следующего дня должен был стать у нового штукатура подсобником. Вдохновенные, все разошлись отдыхать кто куда. Пономарь – домой, а Сергею отвели для проживания маленькую хозяйственную комнатку в притворе храма. Путь располагается.

Главное для такого мастера – все под рукой. Не нужно ездить на работу автобусом со множеством пересадок. Встал, помолился, позавтракал, и вперед, как говорится, служи Богу своим сокрушенным духом и опытными руками. Вот они, мешки с цементом – в соседней комнатухе, вот он, песок – у перти, вот в двух шагах и источник студеной воды для раствора – блестящая колонка, пожертвованная храму. Леса уже стоят, мастерок и новенький ковшик сияют на солнце, точно платиновые. Трудись.

Кому случалось наблюдать в среднерусском селе появление первых звезд на прохладном вечернем небе, тот меня поймет. Даже писк редких вечно голодных кровососов комаров бывает приятным, ведь позади еще один тяжелый знойный день. Заботы, проблемы, конечно, никуда не делись, просто, как и всё сейчас, находятся в умиротворении. Где-то далеко в клубе танцы, оттуда доносится глухой стук, почему-то зовущийся музыкой. Где-то прогрохотал мотоцикл. У соседей за забором завозились и захрюкали поросята в своем закутке, должно быть, их мучают во сне кошмары. Сонно лают собаки. Унылое кваканье доносится со стороны загнивающей речушки. Всё находится в состоянии полудремы, кроме полосатых колорадских жуков. У них еще много дел – им предстоит ночное истребление картофеля.

Сижу на скамейке в саду. Становится все темнее. Уже не виден крест на храме, уже не виден и край огорода. Даже полоски на коте, свернувшемся по соседству, уже не видны. Зато в небе внезапно засветился спутник. Вот он угловато движется мимо звезд, но вскоре и он исчезает. Если бы можно было продлить, растянуть этот неповторимый вечер! Ведь он такой необычный. Та же природа, та же обстановка, что и вчера, но нынче... нынче у нас появился Сергей.

Теперь, Бог даст, штукатурные работы закончим к Успению и разберем уже порядком надоевшие леса и прочие «подмосты», как их здесь называют. Глаза сами закрываются от усталости, и

вижу, должно быть уже во сне, прекрасную радостную картину: Сергей сидит на лесах и зычным голосом взывает: «Семеныч, раствор!» Семеныч мечется с ведрами между бетономешалкой и опытным штукатуром, и все идет на лад, как тогда, когда наши прадеды ходили под стол пешком. Как все же мудр народ в своих пословицах и высказываниях! Недаром говорится, что приятно наблюдать любую стихию – и как течет вода, и как горит огонь, и как кто-то работает. Приятно.

Обычное утро: молитва, завтрак. Собираюсь в храм с радостным предвкушением. Обычным путем, как и каждый день, спешу в церковь. Как обычно, при виде священника в рясе местные люди настораживаются, перестают улыбаться и спешат перейти на противоположную сторону дороги. Но сегодня не удручает даже эта боязнь прохожих быть укушенными. Улыбаюсь всем. Хорошее настроение!

Как ни старались селяне растащить и церковь вместе с колхозом, ничего у них не вышло. Колхоз развалился, а храм стоит! Вот над его облезлыми стенами сияет на солнце новый оцинкованный пожертвованный купол. Вот под ним леса. Вот и работник на лесах. Надо же, какое трудолюбие! На часах еще семьдесят, а он уже... вот молодец, вот...

Молодцом оказался Семеныч. Это он, замесив раствор и не дождавшись Сергея, забрался на леса и занялся штукатуркой.

– Бог в помощь! – приветствую его, глядя вверх.

– Спаси Господи! – падает оттуда.

– Где же наш труженик? – интересуюсь.

– Отдыхает, вчера утомился с дороги, перебрал малость.

Ну что ж, бывает со всяким. Пусть отдохнет, оклемается. Отслужу молебен с панихидой, съезжу на погребение и подсоблю своему трудолюбивому помощнику пономарю.

Трудным выдался жаркий июльский день. Сначала молитва в храме с двумя престарелыми прихожанками, затем бесконечные ведра песка, воды, мешки цемента. Уже под вечер, когда Семеныч ушел домой, когда вымытый инструмент сиял под лестницей в колокольне, за мной пришли из соседнего совхоза. Там человек при смерти, нужно бы его поисповедовать да причастить.

Большой действительно нуждался в напущении, пребывал в тяжелом состоянии. Больше в тяжелом состоянии духа, чем дряхлого парализованного тела. Обычная поздняя и трагичная исповедь и бесконечно позднее сожаление о растраченных впустую силах и талантах. После причастия говорил он с некоторым облегчением и о том, с каким бы удовольствием принес за свои грехи жертву Богу. Хоть пропитание свое, хоть одежду, хоть руки, хоть всю жизнь. Да только поздно хватился, зовет Господь на суд и ничего ужене исправить. Вот тебе и вожделенная жертва.

«Жертва Богу – дух сокрушен». Эти слова пророка Давида крутятся у меня в голове на обратном пути ко храму. Вот он, мост через гнилую речушку, вот показалась и колокольня, окруженная строительными лесами. В голове встает образ недавнего умирающего исповедника. Покаяйся он чуть-чуть раньше, вспомни он чуть раньше о суде Божьем, глядишь, и еще один восстановитель прибавился бы к нашей немногочисленной братии. Вот она и жертва, и дух сокрушен, и все остальное. Размышляя об этом, подхожу ко храму, заворачиваю за угол, ко входу...

Полумертвый от первача Сергей на багажник велосипеда какого-то местного парня ретиво привязывает пьяными руками мешок цемента. Церковного цемента. Завидев меня, парень бросил свой велосипед и ретировался.

– Какое счастье, Сережа! Нам кто-то пожертвовал мешок цемента! Отвязывай его скорее да занеси в храм! А куда же девался жертвователь? Поблагодарить бы...

При этих словах «труженик» стал внимательно разглядывать шеренгу одинаковых настоятелей, возникшую перед ним. У всех, видимо, было по два креста, по два носа и не менее двух пар глаз. Сережа фокусировал то левое, то правое око, щурился. Наконец икнул, в его кармане булькнуло и он навел-таки резкость. Увидев меня одного, он многозначительно ответил: «Э-э. Да-а, жертва...»

Продолжение следует

П РАВОСЛАВНЫ Й К АЛЕНДАРЬ

11 сен., вс. – Неделя 12-я по Пятидесятнице. Усекновение главы Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Собор Нижегородских святых. Собор Саратовских святых. *День постный (пища с растительным маслом).*

12 сен., пн. – Перенесение мощей блгв. вел. кн. Александра Невского. Обрѣтение мощей блгв. вел. кн. Даниила Московского. Свт. Александра, Иоанна и Павла Нового, патриархов Константинопольских. Прп. Александра Свѣрского.

13 сен., вт. – Положение честного пояса Пресвятой Богородицы. Сщмч. Киприана, еп. Карфагенского. Свт. Геннадия, Патриарха Константинопольского. Сщмчч. Александра пресвитера и Владимира диакона. Сщмч. Михаила и Мирона пресвитера.

14 сен., ср. – Начало индикта – церковное новолетие. Прп. Симеона Столпника и матери его Марфы. Собор Пресвятой Богородицы в Миасинской обители. Мч. Аифалѣ диакона. Мцц. 40 дев постниц и мч. Аммуна диакона, учителя их. Мц. Каллисты и братьев ее мчч. Евѡда и Ермогена. Прав. Иисуса Навина. Прмц. Татианы, мц. Наталии.

15 сен., чт. – Мч. Маманта, отца его Феодота и матери Руфины. Прп. Иоанна постника, патриарха Цареградского. Прпп. Антония и Феодосия Печерских. Обрѣтение мощей прп. Феодосия Тотемского. Калужской иконы Божией Матери.

16 сен., пт. – Сщмч. Анфима, еп. Никомидийского. Прп. Феоктиста, спостника Евфимия Великого. Блж. Иоанна Милостивого Власаго, Ростовского чудотворца.

17 сен., сб. – Сщмч. Вавилы, еп. Великой Антиохии, и с ним трех отроков: Урвана, Прилидиана, Епполония и матери их Христулы. Прор. Боговидца Моисея. **Обрѣтение мощей свт. Иоасафа, еп. Белгородского.** Мц. Ермионии, дщери ап. Филиппа диакона. Иконы Божией Матери, именуемой «Неопалимая купина».

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Главный редактор – настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). Наш адрес: г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел.: (533) 2-46-97. Сайт: <http://pokrovka-tiras.narod.ru/>

Набор и верстка – на оборудовании редакции. Отпечатано в полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем – 1 печатный лист. Тираж – 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!